

ЮРИЙ СОЛОЗОВОВ

Непризнанная Евразия

Сам термин «непризнанные государства» звучит довольно двусмысленно, пока не встанет вопрос: собственно, кем непризнанные? Так называемое «международное сообщество» во все меньшей степени является «сообществом», то есть равновесием *взаимного* признания. В ходе распада СССР прежняя международно-правовая система оказалась разрушена — она перестала служить гарантией статуса ее учредителей и участников. В определенный момент выяснилось, что на пространстве Евразии «все мы немного непризнанные», и гордое звание государства-члена ООН в этом факте решительно ничего не меняет.

Делать вид, что всего этого не произошло, значит по умолчанию оставлять «ключи признания» в чьих-то чужих руках. Говоря конкретнее: позволять «мировому лидеру» решать вопросы легитимности «проблемных» государств и режимов от имени исчезнувшего «сообщества». Потому что США, при всей демонстративной брутальности их превосходства, остаются силой, спекулирующей на этой неясности. Именно Североамериканские Штаты продолжают извлекать символический капитал из демонтированной их усилиями «многосторонней» международной системы.

Иными словами, универсализм американской империи, как и ее символический капитал, является в значительной мере заемным. Этот парадокс связан с остаточными привычками пост-имперского (или, если смотреть с точки зрения будущего, до-имперского), «оонового» человечества. Вывод напрашивается сам собой, и его мнимая парадоксальность не должна нас смущать: именно участие таких стран, как Россия, в *имитации* исчезнувшего международно-правового порядка делает американскую империю поистине мировой. И нет нужды пояснять, что одним из наиболее тревожных признаков такой имитации стал феномен *непризнанных Россией* пророссийских государств на постсоветском пространстве.

Сегодня ни одно из существующих квазигосударственных образований на пространстве СНГ (уже привычно говоря, «непризнанных государств») не может безоговорочно претендовать на международное признание в качестве государства. За последние десять лет на политической карте Евразии прои-

зошли поистине драматические сдвиги, и по большому счету все государства Евразии стали непризнанными. Мы наблюдаем по всему миру действие эффективного механизма по ограничению национальных суверенитетов.

Это произошло не только потому, что ключи от критериев легитимности того или иного режима находятся в руках одного мирового суверена — США. Кроме того, это стало возможно при добровольном отказе от политического в элитах заметно полинявших национальных государств в пользу гедонизма. Именно это сделало столь популярным один и тот же стандартный трюк «цветочных или бархатных революций». Точнее, стандартный фокус с «изменной номенклатурой» поставленный на конвейер.

Перефразируя поэта, можно сказать так: «Если новые государства зажигают — значит, это кому-нибудь нужно!» Сегодня задача мирового суверена состоит не в том, чтобы избежать обострения конфликта. А тем более, не в том, чтобы убедить (а если потребуется, то и заставить!) существующие квазигосударственные образования отказаться от претензии на собственную государственность. Или найти какую-то приемлемую форму ассоциации с их прародиной — «старыми» или «признанными» государствами. Напротив, роль «политических новообразований» сегодня видится совсем в другом — служить очагами управляемого конфликта на всем пространстве Евразии.

Дело совсем не в том, что некое мифологическое «международное сообщество в целом» не может быть заинтересовано в появлении новых государств-иждивенцев. Понятно, что новое образование должно быть в состоянии обеспечивать свое существование вне некогда «родимого» государства, от которого оно хочет отделиться (государства-донора). У многих из непризнанных государств как раз речь идет о наличии минимально достаточного экономического потенциала и необходимой организационной способности, чтобы обеспечить социальную и территориальную стабильность.

Стандартное объяснение этого феномена «непризнания» таково. Во-первых, получила распространение практика «двойных» стандартов: одним народам по не вполне понятным основаниям позволяют реализовать свое право на самоопределение, а другим в этом отказывают. Во-вторых, существуя вне правового поля и практически никем не признаваемые официально, квазигосударственные образования почти неизбежно криминализируются внутренне. Они обрастают не вполне легальными внешними связями и «серой экономикой». Эти страны становятся катализатором противоречий и конфликтов между вовлеченными в эти «интимные» связи государствами. Наконец, в-третьих, и это особенно тревожит политиков, примеры уже существующих квазигосударственных образований создают некий опасный прецедент, вдохновляя все новых претендентов на самоопределение.

В результате возникает угроза появления параллельной системы непризнанных государств (например, известная история с СНГ-2), причем в условиях углубляющегося кризиса международно-правовой системы. Еще не так давно список непризнанных государств исчерпывался Тайванем и Северным Кипром. Сегодня в него входят также Абхазия, Приднестровье, Южная Осетия и Нагорный Карабах; завтра к ним могут присоединиться Иракский Курдистан, «государство» тамилы; а послезавтра, и Страна басков, и Горный Бадахшан, и Синьцзян. А есть ведь еще и Тибет, и большая группа авто-

номий в составе России. Применительно к Казахстану достаточно упомянуть вопрос о Северном Казахстане. Опыт кровотокащей Чечни показывает, какой трагедией может обернуться недооценка феномена непризнанных или самопровозглашенных государств.

Современному государству, исторически возникшему в XVII веке и уже привычно (как бы всегда!) занимавшему определенную территорию, принадлежали прерогативы суверенитета и установленных границ, признаваемых другими государствами. Каждое государство имело права тождественные правам других государств (иначе говоря, равные права). Это позволяло установить баланс сил, на котором покоился уже ставший привычным европейский порядок. Таковую систему баланса сил между равноправными государствами немецкий политолог Карл Шмитт называет *jus publicum Europaeum* (Наиболее иллюстративными примерами этого равновесия являются Венский договор в 1815 г. и Вестфальское перемирие в 1648 г.).

Сегодня монолит национально государственных образований пост-Вестфальского, пост-Версальского или пост-Ялтинского мира (нужное подчеркнуть) подернут нелегкой рябью глобализационных изменений. Интерференция взаимодействующих мировых сил создает динамические точки спокойствия или временные очаги равновесия – точки либрации. Спокойствие в духе «глаза урагана» порождает все новые и новые очаги будущих бурь. Это и есть, по моему мнению, проявление нового феномена мир-экономики в виде непризнанных государств и спорных территорий. Они суть предвестники будущей дефрагментации политического пространства.

Непризнанные государства стали сегодня неотъемлемой частью глобализующейся мир-экономики. Раньше все элиты (монархи, диктаторы и вожди) держали деньги «на черный день» в одной Швейцарии и отдыхали/лечились в одной Ницце (вариант, Баден-Бадене), тем не менее цепко контролируя свою национально-территориальную экономическую и государственную рамку. Сегодня мы видим взрывной рост территорий «порто-франко»: растет число непризнанных государств, всякого рода оффшоров и особых территорий-курортов.

Почему все эти феномены можно поставить в один ряд? На мой взгляд, это внешнее проявление происходящей на наших глазах массовой стандартизации уклада «дольче вита». Внутренне это означает добровольный отказ от традиционной роли для оседлых политических элит и их переход к жизни кочующего «верхнего среднего класса». Точнее в состоянии деполитизированной прослойки, безответственной за национальные территории, а потому и, по большому счету, бездомной. Да и в недалекой перспективе вовсе не нужной в своей праздности...

Вспомним историю одного хорошо известного нам непризнанного государства – а именно, СССР. Набирающие силу США были готовы немедленно признать большевиков на удерживаемой ими небольшой части России, но только с одновременным признанием всех *самопровозглашенных, а потому непризнанных территорий*, но строго по плану Вильсона. Однако, когда в 1922 году большевистская власть сумела восстановить территориальное единство страны, США долгое время (вплоть до 1933 года) отказывались признать в форме СССР историческую территорию России. И лишь мировая война за

свои границы сделала СССР полновесным субъектом мирового права, а ее политический класс на время вышел из режима внешнего управления.

Мы как-то на миг подзабыли, что сегодня границы РФ и всех признанных и непризнанных государств СНГ — это всего лишь административные границы бывшего СССР. Мы за эти границы еще толком не воевали, поэтому они очень динамичны от внешнего воздействия и весьма-весьма условны. Поэтому и продолжение «нового вильсонизма», как и реализация планов в духе архивных записок полковника Хауза, для нас совсем не отменены. (Если есть кадры, средства, планы, то может помешать, видимо, только другая противодействующая организованная сила!)

Вот почему, говоря о проблеме «непризнанных государств (как впрочем, и связанной с ней дуалистической проблеме «прав на самоопределение»), мы не должны забывать об исторических примерах: о политике президента Вудро Вильсона в конце первой мировой войны и о тогдашней попытке впервые сделать универсальными для всего мира принципы доктрины Монро. Напомним, что эта доктрина выдвигала волеизъявление США в качестве единственного источника нового международного права.

Еще Карл Шмитт неоднократно подчеркивал, что доктрина Монро в исторической перспективе претерпела диалектическую трансформацию. Из инструмента так называемой защиты она превратилась в инструмент завоевания, в орудие американского экспансионизма. Язык доктрины Монро является показательным для нас примером коррупции политического языка. Без понимания существования этой политико-семантической проблемы интервенционизм всегда будет представляться нам как самозащита, колониальное закабаление — как установление демократии, а установление марионеточных режимов — как создание или сохранение цивилизованных форм правления. Именно отсюда берет свое начало современный раздвоенный язык всех спецопераций по «сохранению мира» или легкая поступь пресловутых «миротворческих контингентов».

Говоря на этом путанном языке, мы никак не можем придти к четким критериям для описания проблемы «непризнанных государств». Наряду с этой безусловной важной проблемой формирования самостоятельного «нового политического словаря» для описания изменившегося вокруг нас мира, необходимо отметить следующее. Карл Шмитт всегда подчеркивал необходимость создания нового Большого пространства Евразии, воспринятого им по некоей аналогии с Американским Большим пространством, определенным доктриной Монро. Это политическое пространство должно безусловно исключать любое иностранное вмешательство, и прежде всего вмешательство США. Применительно для России это в первую очередь означает выход из системы внешнего управления и формирование собственных критериев легитимности на постсоветском пространстве.

Карл Шмитт в своих работах определил понятие рационального принципа Большого пространства, включая в это понятие Империю: «Хотя понятие Большого пространства принадлежит и родственно понятию Империи, оба понятия не тождественны, поскольку не каждое государство и не каждый народ, входящие в Большое пространство являются частью империи.» Империя, согласно Шмитту «является ведущей и поддерживающей силой,

политические идеи которой господствуют в определенном Большом пространстве». Кодекс поведения между отдельными Большими пространствами — это взаимное невмешательство. Таким образом, в этом шмиттовском подходе мы можем сегодня найти исчезающую возможность для создания системы взаимного признания как «непризнанных», так и всех прочих государств на постсоветском пространстве!

Говоря о непризнанных государствах мы часто говорим о них, как о «пиратских республиках». (Кстати, название самой известной из «пиратских республик» очень примечательно — это Либерталия.) Повод к тому дают сопутствующие непризнанным государством «радости» в виде «серой» или даже «черной» экономики: контрабанда, черные оффшоры и незаконное перемещение лиц. Что ж, в истории известны несколько 'пиратских республик' в Карибском море, Алжире, Китае. (Встречались, хоть и несколько реже, такие образования на суше. К ним, кстати, некоторые историки относят не только дудаевскую Чечню, но и Запорожскую Сечь.)

Одержатъ военную победу над такими «непризнанными государствами» оказались в свое время не в состоянии даже такие могучие морские державы, как Испания и Англия. Пиратские государства обычно располагались достаточно далеко для того, чтобы их можно было усмирить без снаряжения специальных экспедиций с территории страны-жертвы. Отсутствие развитой береговой инфраструктуры, да и ценности территории как таковой освобождало пиратов от необходимости защищать «национально-территориальную рамку», а значит, предоставляло неограниченные возможности избегать невыгодного боя. Собственно, главная проблема отношений 'больших государств' с пиратскими новообразованиями заключалась в простой формуле: с ними мирились, пока убытки от грабежей были значительно меньше расходов на снаряжение карательных экспедиций.

Тут важно иметь в виду, что разбойное государственное пиратство корсаров в прошлом — это основной источник накопления первоначального капитала в Англии 17-го века. Пиратство, поощряемое и спонсируемое королевским домом привело к наплыву богатства на Остров. Это помогало образованию класса богатых предпринимателей, которых Карл Шмитт весьма современно называет «корсар-капиталистами». Именно пиратство, подчеркивает Шмитт, а не свободная торговля являлись источником первичного накопления капитала. (Либеральная идеология свободной торговли выглядит тем самым мифологией чистой воды.)

Шмитт приводит примеры того, что пиратский разбой послужил экономическим толчком к развитию капитализма в Англии: «Либеральный принцип “свободы мореплавания”, которым кичилась Британская империя, в реальности проистекал от практики пиратского разбоя в прошлом. Действительно, что может быть лучше для пиратов по призванию, чем ничем не ограниченная свобода мореплавания! Но каждому ясно, что свобода мореплавания для пиратов — несвобода для всех остальных.» В своей последней работе «Теория партизана» Карл Шмитт прозорливо упоминает о двух других участниках войны на море, кроме уже упоминавшегося выше пирата. Это — нейтральный нарушитель блокады и нейтральный провозчик контрабанды. Сегодня скорее именно они, а не пираты, стали базовыми моделями для це-

лого ряда вновь образующихся непризнанных государств. Но насколько устойчивой и перспективной является такая модель государственного строительства в стратегическом плане?

Здесь важно подчеркнуть, что лидеры новых государств видят свою цель не в обретении суверенитета, а пускаются на «весьма выгодное, но рискованное коммерческое приключение». При этом они не имеют врага, даже если они сами рассматриваются как враг в смысле международно-правовых норм, ведь их социальный идеал — это хороший гешефт. Шмитт недаром отмечает: «Они не думают о том, чтобы защищать дом, очаг и родину от чужого захватчика, что относится к прообразу автохтонного партизана».

Сегодня новые государства — это большей частью «серые» зоны торговли, очаги самых доходных операций и всего лишь средство для уменьшения транзакций. *Именно они являются форпостами трофейной экономики или факториями для пиратского освоения ныне поглощаемых Больших пространств, в том числе и пространства Евразии.* Весьма поучительно, что «пиратская героическая эпоха» длилась приблизительно 150 лет, примерно с 1550 до 1713 года. Или, как отмечает Шмитт, со времени начала борьбы протестантских государств против католической Испании и до момента заключения Утрехтского мира (1713), поскольку тогда произошла консолидация системы европейских государств.

С того момента, как военные силы морских держав могли осуществлять эффективный глобальный контроль, а новая, воздвигнутая на море всемирная гегемония Англии впервые стала очевидной, по словам Карла Шмитта, *«пират превратился отныне в жалкого преступника».* В этой логике становится ясно, что нерегулярный характер борьбы за новую государственность сегодня поступил на службу типично морской мировой политики, которая безжалостно дисквалифицирует и криминализирует любую нерегулярность в области государства и права. Ведь по точному определению Шмитта, *«понятие “пират” включает неполитический характер скверного образа жизни, включающего разбой и личную выгоду».*

Здесь нельзя пройти мимо другого важного феномена «непризнанных государств», а, именно, восприятия их как «партизанщины». Партизанское движение тут понимается по-шмиттовски как интенсивная политическая ангажированность, которая как раз характеризует партизана в отличие от других борцов. Недаром Шмитт обращал внимание на то, что партизана необходимо отличать от обычного разбойника и злостного преступника, чьими мотивами является личное обогащение. Карл Шмитт писал: *«Партизан имеет врага и “рискует” совсем в ином смысле, чем нарушитель блокады и провозчик контрабанды. Он рискует не только своей жизнью, как любой регулярный участник войны, но и территорией».*

Исторический опыт показывает, что государственность непризнанных территориальных образований может быть обретена только при союзе новых «самозакрепощенных» элит с массами, взаимно ощущающими свою историческую ответственность за свою территорию и понимающими всю невосполнимость утраты государства. Как поразительно точно сказал в телеинтервью один житель некогда независимой Аджарии: *«Они, все эти абашидзе, могут жить и здесь, и там, а мы — только тут».*

Вот это сверх-ценностное отношение к *своей* территории и государственности, как к невозполнимой потере, является важным критерием для определения будущего «непризнанных государств». Наибольший шанс к устойчивой самоидентичности имеют те непризнанные образования, которые перешагнули через кровь войны за самоопределение. *Поэтому партизанские республики, где вожди и масса испытали единство судьбы, иногда могут становиться независимыми государствами, а пиратские республики – никогда.* Точно так же, как все оффшоры рано или поздно закрываются, или им находят более выгодную замену для снижения издержек. Точно также, как все курорты неизбежно пустеют – порой на «мертвый сезон» или просто навсегда выходят из моды.

Мы видим, что системный кризис власти характерен для многих «признанных» стран в постсоветском пространстве. Эта проблема является результатом кризиса новой государственности, а точнее сказать узаконенной нелегитимности «собственных государств», возникших на «руинах» СССР. Под легитимностью следует понимать не только восприятие власти как законной, но и как власти «своей», выражающей интересы всех граждан вне зависимости от их этнической принадлежности.

Надо подчеркнуть, что политическая логика «восстановления государственности» традиционно базировалась на абсолютизации понятия «своя земля». Как идеологический концепт «своя земля» предполагает приоритет этнической коллективной собственности. Этнос и только он может выступать верховным собственником и распорядителем этой земли. При этом (в отличие от обоснования прав собственности в гражданском праве) права на «свою землю» трактуются на основе исторического «права отцов». Легитимация власти в новых государствах СНГ происходила на основе «принципа крови», но под лозунгом создания своего государства, выражающего интересы «своей» земли. Но следование именно этому принципу в конечном итоге заложило мину под легитимность новых государств, например, в Грузии.

С другой стороны, без «смены вех» на имперскую идеологию или шмиттовскую методологию суверенитета применительно к большим евразийским пространствам, малые страны в будущем обречены на дальнейший распад на несколько квази-государств. Результатом этого процесса, предсказанного еще Валлерстайном, станет коллапс на всем пространстве СНГ. Такой сценарий развития событий не может устроить ни Россию, ни даже США, все более и более вовлекающихся в развязывание постсоветских узлов. Сегодня очевидно, что без учета американского фактора российская внешняя политика в СНГ будет все более неадекватной. Заметим, что российская внешнеполитическая невнятность по поводу Ирака как раз имела следствием последующий «несимметричный ответ» США в виде продвижения военных баз на постсоветском направлении.

Так что применение в СНГ сценария, уже неоднократно проверенного для стран «оси зла», является лишь вопросом времени. Применительно к России или к таким ключевым странам Евразийского пространства как Казахстан этот вызов означает не только перспективу «потери бизнес-партнеров» или угрозу хаотизации Средней Азии. Здесь скорее верна оценка Модеста Колерова о том, что *«происходит реальное создание механизма ограничения суверенитетов».* Но прежде чем размышлять о том, как будет использован новый механизм у

наших собственных границ, следует понять главное — как и против кого работает этот механизм. И тут методология Карла Шмитта, представленная в его поздней «Теория партизана», оказывает посильную помощь.

Карл Шмитт в ней еще раз подчеркивает, что классическое, зафиксированное в XVIII-XIX веках понятие *политического* было основано на государстве европейского международного права. Начиная с XX века, война государств заменяется сначала революционной войной партий, а затем и новой формой тотальной войны. Уже так называемая «холодная война», по мнению Шмитта, не являлась наполовину войной и наполовину миром, но была «приспособленным к положению вещей участием настоящей вражды с другими открыто насильственными средствами». Газета «Таймс» недаром сравнивала военные действия англо-американской коалиции в Ираке с моделью перманентной революции. Эта революционная практика разрушения социальных структур не сводится только к «азиатским беспорядкам» под хорошо знакомым нам лозунгами: «Мир хижинам, война дворцам».

Идущая сейчас в мире тотальная война лишь внешне выглядит игрой «точно контролируемой нерегулярности и “идеального беспорядка”, идеального в той мере, в какой им могли бы манипулировать мировые державы». Тем самым, все эти ручные «враги по вызову» — растворившаяся в песках гвардия Саддама или виртуальный бен Ладен — являются лишь объектом манипуляции в «управляемой» войне. Или стали, по точному определению Шмитта, «заменяемым орудием мощного центра, творящего мировую политику, который вводит его в действие для явной или невидимой войны и, сообразно обстоятельствам, снова отключает».

Ярким примером применения такого «военного пиара» стали движущиеся картинки, продемонстрировавшие миру «живого Саддама», почти вменяемого и почти настоящего. Представитель Ватикана так прокомментировал телекадры осмотра ветхозаветного старца: «Они обращаются с ним как со скотом!» Действительно, военный ветеринар без всяких церемоний крутил голову существа, днем с огнем заглядывая ему в пасть, что-то пристально рассматривал в волосяном покрове над ушами. Потом до миллионов телезрителей дошло, что фельдшер с протестантской настойчивостью искал *кльки и рога* у «врага рода человеческого»! Не хватало только крупных планов с осмотром хвостовой части существа или демонстрации раздвоенных копыт.

Напрасно, следуя старой, уже отыгранной прагматической схеме, местные элиты СНГ, будут до последнего пытаться играть на противоречиях между Россией и США. Американским гарантиям безопасности доверять уже не следует. Слишком далёко пространство СНГ от Вашингтона, и слишком невелика моральная ответственность единственной сверхдержавы перед очередной «заморской территорией». Зато интересы американского бизнеса США всегда будут отстаивать очень жестко, невзирая на обиженные крики сменных хозяев страны. И телекадры разинутого рта Хусейна или растерянного лица Шеварднадзе будут живым напоминанием для национальных элит о невысокой цене выданных им гарантий.

Публичная демонстрация спрятавшегося в норе песчаного джина, обладающего всеми признаками демонического существа, стала весомым «аргументом» в затянувшейся войне в пустыне. Войне, давно переросшей из «миротворческого конфликта» или даже «войны за нефть» в стадию тотальной вой-

ны. В шмиттовской «Теории партизана» делается важный вывод, применимый к ситуации нынешней тотальной войны. *«Люди, применяющие такие средства против других людей, принуждены и морально уничтожить этих других людей, то есть своих жертв и свои объекты. Они должны объявить противную сторону в целом преступной и нечеловеческой, тотальной малоценностью».*

Объявление войны всегда есть объявление врага. По шмиттовскому выражению, враг не должен быть чем-то таким, что по какой-либо причине должно быть устранено и из-за своей малоценности уничтожено. Однако тотальная война имеет «свою собственную логику». Это именно логика тотального отсутствия ценности и тотального уничтожения носителя этого отсутствия ценности. Особенно если эта «жалкая и ничтожная личность» могла (или была назначена СМИ!) обладать ОМУ или могла продавать технологии и материалы для создания оружия массового уничтожения. Вот почему современные высокотехнологичные или абсолютные средства ведения войны требуют показать на потеху миру «абсолютного врага», имеющего абсолютно нечеловеческий вид.

В противном случае, в жернова «собственной логики» попадают сами устроители тотальной войны, или, как сказано в «Теории партизана», *«иначе они сами являются преступниками и чудовищами, нелюдьми».* Потому главная опасность заключается сегодня не в наличии средств массового уничтожения и не в пробудившемся дорациональном зле человека. Она состоит в нарастающей неизбежности морального принуждения, а, следовательно, в обязательной демонизации поверженного врага, в виде свергнутых национальных элит. Недаром Карл Шмитт предупреждал о той критической ситуации, когда *«логика ценности и малоценности развертывает всю свою уничтожающую последовательность и вынуждает все новые, все более глубокие дискриминации, криминализации и обесценения вплоть до уничтожения всякой не имеющей ценности жизни».*

Поэтому не следует все происходящее в Евразии объяснять новомодным нефтяным языком или сводить дело к захвату «пиратами XXI века» трофейных скважин. Напомним, что шмиттовское понятие «пирата» означает принципиально *«неполитический характер скверного образа жизни, включающего разбой и личную выгоду».* Речь скорее идет об изменении понятий самой войны. Поэтому лозунг момента сегодня звучит так: «Мир — скважинам, война — дворцам!» Сегодня межгосударственный мир, трансформировавшийся сначала в ленинский «мир — народам!», превратился в «мир для скважин».

Это прежде считалось, что оккупационные власти прямо заинтересованы в том, чтобы в занятой их военными области царил порядок. Теперь же войска введомой США коалиции (трудно назвать их оккупационными!) даже не пытаются наводить имитацию порядка. Они не просто игнорируют проблемы местного населения, а прямо поощряют высвобождение тотального беспорядка.

Нынешняя разновидность войны с *криминализацией* военного противника в целом хорошо знакома русским как гражданская война классового врага с классовым врагом. Но даже если главная декларируемая цель войны *внешняя* — свержение правительства враждебного государства, то и тогда революционное действие взрыва криминализации врага направлено *вовнутрь* на разрушение социальных структур общества. Когда громятся магазины и общий раз-

гул грабежа связывает всех, общество перестает держаться в сфере политического и падает в сферу криминального. Тогда, отмечает Шмитт, прекращается конвенциональная, традиционная игра. *«В таких случаях нерегулярность является неполитической и становится чисто криминальной, так как теряет позитивную связь с где-нибудь имеющейся регулярностью».*

Внешняя противоречивость деклараций наспех сколоченной коалиции, начавшей за упокой якобы имевшегося ОМУ злодея Хуссейна, а закончившей ритуальным походом за здравие демократии, приобретает свою внутреннюю логику в этой новой войне без ветхих правил. В этой логике «торжества демократии» *сама возможность «развития» стран* (в том числе экономического!) оказывается полной иллюзией, а большой проект «догоняющей модернизации» может быть отныне сдан в утиль.

Тем самым, под запущенный однажды механизм ограничения суверенитета попадают не только страны «оси зла» или новые государства в «непризнанной Евразии». Под каток его действия «ложатся», прежде всего, *все* страны, названные Валлерстайном «полупериферией». То есть государства, компенсирующие свои экономические характеристики военными и политическими средствами, а ныне форсирующие свои оборонные программы в свете наглядного урока деполитизации силой.